

Черепоголовый

Джеймс Уиллард Шульц

Джеймс Уиллард Шульц

Черепоголовый

«Автор»

2022

Шульц Д.

Черепоголовый / Д. Шульц — «Автор», 2022

Жестокие маньяки-убийцы были и в те давние времена. Один из них, с черепом вместо лица, по ночам проникает в лагеря черноногих и убивает людей. Одной из его жертв стал отец молодого воина Медвежонка. Он поклялся отомстить ему, но это оказалось труднее, чем казалось вначале.

© Шульц Д., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава	5
Таинственный убийца	6
Глава	13
Черепоголовый считает еще один ку	14
Глава	22
В пути	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Джеймс Уиллард Шульц Черепоголовый

Глава

I

Таинственный убийца

Тем летом, когда в первый раз огненная лодка приплыла к Много Домов (форт Бентон, Монтана), пикуни стояли там лагерем и ожидали ее прибытия; ведь полки торгового зала Много Домов были пусты, а нам очень нужны были товары, которые привезет лодка, для обмена на которые мы нашу зимнюю добычу из бобровых и других мехов, и многие сотни прекрасно выделанных бизоньих шкур. Мы были, как и всегда, самым крупным из трех племен, говоривших на нашем языке; следующим по численности были кайна (Кровь), а самым малочисленным сиксика (Черноногие). Мы насчитывали шесть сотен вигвамов (около трех тысяч человек). Да ведь наш лагерь занимал всю долину от Много Домов до самого ее конца!

Мой отец, Одинокий Человек, был вождем Маленьких Накидок, самого большого общества нашего племени. Он был великим воином, и очень богатым – его табун насчитывал больше двух сотен лошадей, его вигвам был самым большим во всем лагере и был прекрасно обставлен. Моя мать, Стройная Женщина, была одной из самых красивых женщин нашего племени, и ее доброта не уступала ее красоте. Она очень жалела бедных, больных, вдов и сирот. Она была священной женщиной: пять раз она становилась во глав женщин, которые каждое лето, в луну Спелых Ягод, строили для Солнца священную хижину, которую клялись построить для него. Тем летом она должна была возглавить строительство хижины Солнца; она обещала ему сделать это, если оно избавит меня от тяжелой болезни, которая напала на меня в середине той зимы. В то время мне было восемнадцать зим от роду. Я все еще носил имя, данное мне при рождении – Медвежонок. Я решил, что это имя несчастливое: жрец Солнца, который дал его мне, был неудачлив во всех своих начинаниях – в столкновениях с врагами он был дважды ранен, один из его сыновей был погиб в сражении, другой умер от тяжелой болезни, и, наконец сам он во время погони за бизонами упал с лошади и был насмерть затоптан копытами раненого быка. Тогда я хотел, и уже давно, пойти в военный поход и посчитать на врагах несколько хороших ку, после чего вождь дал бы мне новое имя, возможно, более счастливое. Отец мой хотел, чтобы я сделал это; он даже говорил, что пришло мне время встать на тропу войны – вначале, разумеется, как слуге сильного и успешного предводителя военного отряда, который научил бы меня военному искусству. Но моя мать сильно возражала против этого. Я был слишком юн, чтобы пойти на тропу войны; война – слишком жестокое и бесполезное занятие; она вообще не хотела, чтобы воевал; вместо того, чтобы воевать друг с другом, племена гор и равнин должны собраться и заключить прочный и долгий мир. Теперь к тому же она сказала, что у нее было касающееся меня видение. Во время сна, сказала она, она видела своего священного помощника, некое древнее живущее в воде животное, которое ясно сказало ей:

– Держи своего сына рядом с собой, потому что он очень тебе будет нужен: в скором времени тебе очень понадобится его помощь.

На это отец мой сильно обеспокоился. Что такое может случиться? – недоумевал он. Он уговаривал мою мать упорно молиться, чтобы ей было послано другое видение, в котором ее будущее станет ясным. Он сказал мне, что в ближайшее время я и думать не должен о том, чтобы присоединиться к какому-нибудь военному отряду, который должен был выступить на врагов. Видением женщины столь святой, столь близкой к Солнцу, как моя мать, ни в коем случае пренебрегать нельзя.

В это время с севера пришли наши братские племена, кайна и сиксика, которые тоже хотели обменять свои меха на товары белых. Свой лагерь они поставили на Молочной реке (Тетон), нас с ним разделял только увал. День или два спустя другие наши союзники, утсена (гро-вантры), пришли с востока, и поставили свои вигвамы чуть выше Много Домов. Таким образом, собралось множество людей, ожидавших прибытия огненной лодки.

Уже две зимы мы не видели кайна и сиксика – они жили и охотились в северной части нашей страны и торговали с Красными Куртками, а мы, пикуни, и утсена, кочевали на самом юге наших угодий, до самой Лосиной реки (Йеллоустоун), которая была северной границей владений племен Ворон. Теперь все навещали друг друга. Почти ежедневно я сопровождал своих отца и мать в гости к их друзьям в других лагерях, и они в свою очередь приходили в наш вигвам покурить и попить, так что теперь все знали, что произошло в других племенах за эти две прошедшие зимы.

Кайна принесли нам странную весть – рассказ об одиноком враге, который, сперва прошлым летом, а потом и этим, причинил им множество страшных неприятностей. Они охотились на реке Живота, когда, насколько им было известно, он впервые появился в их лагере. Тогда, темной ночью, одна из женщин возвращалась домой от своей подруги. Когда она приблизилась к своему вигваму, ее дочь, которая была внутри, решила взять дров из кучи, которая была снаружи, и, когда она откинула входной полог, яркий свет костра осветил пространство и мать увидела завернувшегося в плащ человека, который крался к вигваму. Она только бросила взгляд на его лицо, завопила и бросилась за помощью к соседнему вигваму, потому что это было лицо черепа. Да, у него не было носа и не было губ, которые должны были прикрыть его блестящие зубы.

Крик женщины разбудил весь лагерь; мужчины сбегались, чтобы узнать, что с ней случилось. Крича и дрожа, все, что она могла ответить – это то, что она видела человеческий скелет, завернутый в бизонью шкуру, который на четвереньках крался ко входу к ее вигваму. Те, кто ее спрашивали, не знали, что об этом думать. Один сказал, что скелеты – духи – не одевают шкур; другой сказал, что ей, скорее всего, показалось, что она увидела призрак. Они сказали, что лучше ей пойти в свой вигвам, а они ее проводят. Они дошли до него, вошли внутрь, все весте, и увидели на одной из лежанок ее дочь, накрытую шкурой. Они сдернули ее, и она села, вся дрожа, с расширившимися глазами. Она увидела мать и рванулась к ней с криком:

– Мама. Мама! Я видела снаружи, совсем рядом, ужасного человека, он на четвереньках приближался к нашему вигваму; его голова была как череп!

В это момент от соседнего вигвама раздался крик:

– Люди, идите сюда, и несите горящие палки. Тут лежит мертвый человек!

Все побежали, захватив горящие палки, и увидели, что мертвецом был Новый Плащ, хозяин вигвама. Он лежал на спине, и кровь текла у него из большой раны на груди; рядом с ним, сбоку, в землю была воткнута тонкая палочка, на конце которой был привязан маленький клочок меха, похоже, медвежьего.

Тело Нового Плаща перенесли в вигвам, и, пока его женщина и дочь оплакивали его, пришли добрые женщины и стали готовить его к похоронам. Теперь мужчина из соседнего вигвама обнаружил, что из числа его охотничьих лошадей, которых он на закате привязал рядом с вигвамом, пропала самая быстрая. Стало очевидно, что таинственный черепоголовый убийца сперва осторожно перерезал веревку, которой была привязана лошадь, потом увел ее за пределы лагеря, а после вернулся, чтобы совершить убийство. Хотя была уже поздняя ночь, весь лагерь уже говорил об этом. Некоторые говорили, что убийца был духом. Другие на это отвечали, что духи не пользуются ножами и другим оружием; он убивает, насылая ужасные болезни на тех, кого ненавидят. Опять же, женщине и дочери Нового Плаща могло только показаться, что вместо головы у врага был череп. Но кем он мог быть, из какого вражеского племени? Его палочка для ку была простой, некрашеной, с клочком медвежьего меха, привязанным к ней – никто прежде не видел ничего похожего на нее. Когда настал день, мужчины из лагеря выехали во все стороны, чтобы найти убийцу, но так и не нашли.

Две луны спустя, когда кайна стояли лагерем у Холмов С Другой Стороны (Кипарисовый холмы в провинции Альберта), тот же враг проник в их лагерь, убил Одного Рога и украл самую быструю охотничью лошадь. Не было сомнений в том, что это тот же самый враг, потому

что Один Рог, как и Новый Плащ, был убит ударом ножа в грудь, а рядом с телом в землю была воткнута палочка для ку с привязанным к ее концу клочком медвежьего меха. Было очевидно, что враг этот очень силен: он, несомненно, подкрался сзади, одной рукой зажал жертве рот, не давая закричать, а другой ударил ножом. Это убийство также было совершено прежде, чем люди отошли ко сну, пока они сидели вокруг очагов, курия и беседея. Снова врага искали, и снова без результата. После этого лагерь долго усиленно охранялся; женщины больше не ходили друг к другу в гости, а после заката мужчины ходили по лагерю, не расставаясь с оружием, постоянно оглядываясь. Наконец, когда настала зима, и одинокий враг больше не появлялся в лагере, было решено, что больше он не придет – возможно, он каким-то образом встретил свою смерть, и вожди сказали ночным стражам, что их работа закончена.

Но ужасный враг не был мертв. Следующим летом, в луну Новой Травы, кайна ушли с Холмов С Другой Стороны на Маленькую реку (Молочную), и там снова поставили свой лагерь. Он пришел, когда люди еще не спали, забрал быструю охотничью лошадь, вернулся и убил одного мужчину, Высокую Сосну, ударом ножа, и оставил рядом с его телом еще одну палочку для ку, с привязанным к ней клочком медвежьего меха. Тем вечером Высокая Сосна сказал своей жене, что хочет принять участие в азартной игре в вигваме одного из своих друзей, который жил на другом конце лагеря. Игра все продолжалась, как знала женщина, слыша непрекращающееся довольное пение игроков. Слушая его и надеясь, что ее муж выиграет, жена легла спать. Проснувшись она от холода; костер в вигваме погас, и пения игроков больше не было слышно. Она вышла наружу; ни в одном из вигвамов лагеря костер не горел, а Семеро (Большая Медведица) говорили о том, что до утра осталось немного. Она выкрикнула имя своего мужа, снова и снова звала его пойти домой, но ответа не было. Ее крики разбудили людей.

Мужчина из соседнего вигвама сказал ей:

– Твой муж играл с нами; он проиграл и ушел задолго до того, как игра закончилась.

– Тогда он, должно быть, мертв! Люди, помогите мне его найти! – крикнула женщина.

Мужчину скоро нашли, в самом центре лагеря; тело его уже остыло. Тогда Ребра Орла, верховный вождь кайна, собрал воинов у своего вигвама и сказал им, что прямо сейчас они, не дожидаясь рассвета, должны немедленно отправиться на поиски убийцы. Те, у кого есть лошади, привязанные рядом с вигвамами, должны отправиться прямо сейчас. Они выехали тут же – одни отправились по долине на южном берегу реки, другие на северном, остальные вверх и вниз по долине. Они уехали далеко, на целый день пути, и не смогли даже понять, в каком направлении скрылся убийца, совершив свое злодеяние. После этого поочередно разные группы общества Всех Друзей (тайное общество воинов) по ночам охраняли лагерь.

С этого несчастливого места на Маленькой реке кайна перебрались к холмам Сладкой Травы, где оставались некоторое время, а потом поставили свои вигвамы в долине Медвежьей реки (Мариас), к северу от Гусиног Холма. Немного времени спустя после того, как лагерь был разбит, мужчина из сообщества Быстрых Едоков, Напряженная Рука, поехал вверх по долине, собираясь поохотиться на оленя, и взял с собой сына, мальчика двенадцати зим. Олени там не были многочисленными, потому что было много охотников. Они одну за другой миновали несколько рощ хлопковых деревьев, и наконец вошли в одну, где обнаружили свежие следы большого самца. Спешившись и стреножив лошадей, эти двое пошли по следам оленя. В верхней части равнины была скалистая стена, входившая в рошу; подожди, сейчас я нарисую для тебя на земле, какой формы она была: вот такой: V. Медленно двигаясь по следу оленя, эти двое подошли к ее нижней части и обогнули острый угол, когда увидели человека, который тоже обходил это место. Он был высоким, мощного телосложения, и очень необычно выглядел: без носа, без губ, части щеки тоже не было, и белые зубы словно светились. Как и Напряженная Рука, он держал лук с наложенной на тетиву стрелой. Они выстрелили друг в друга, и мальчик услышал, как его отец охнул, а потом упал – стрела глубоко вошла в его грудь; он также увидел, что враг нацеливает на него другую стрелу, повернулся и побежал. Стрела пронзила его левую

руку; другая просвистела рядом с его головой и вонзилась в дерево. Мальчик бежал, как никогда прежде не бегал, направляясь в нижнюю часть рощи, к своей лошади. Он быстро развязал ее, вскочил и погнал лошадь вниз по долине, опасаясь, что этот ужасный человек станет преследовать его на отцовской лошади, лошади убитого им отца. Он оглянулся и увидел, что во всей долине он один. Он осознал, что этот мужчина вообще не преследовал его, когда он бежал по роще к лошадям; он больше его не видел и не слышал. Он продолжил путь, мешая крики с рыданиями; нагнав на равнине нескольких охотников, он сказал им, что случилось с его отцом. Дин из охотников сломал стрелу в руке мальчика и вытащил ее; наконечник пронзил плоть и застрял в рукаве кожаной рубашки. Стрела была ровная, с железным наконечником, и никаких меток хозяина на ее древке не было. Другой охотник велел мальчику поторопиться в лагерь и велеть всем, кто может его покинуть, поспешить в рощу под скалой. Сами охотники тут же сбросили свой груз бизоньего мяса и отправились на поиски врага.

Кай! Прежде чем Солнце в тот день прошло половину своего пути, роща под скалой была окружена воинами кайна. На вершине скалы, в самом ее конце, стоял их главный вождь, Ребра Орла, смотревший на них сверху вниз. Они увидели, как он взмахнул своим плащом, затянули военную песню и бросились в рощу, чтобы покончить с ненавистным врагом, не сомневаясь в том, что он убьет кого-то из них прежде, чем убьют его. Те из них, кто вошел в нижнюю часть рощи, скоро нашли лошадь Напряженной Руки, которая стояла там, где он ее привязал. Они не понимали – почему враг не забрал ее и на ней не уехал? Весть об этом разнеслась по всему отряду; теперь все двигались медленнее и осторожнее, чувствуя уверенность в том, что скоро они найдут убийцу. Потом, когда они добрались до подножия скалы, то стали в этом сомневаться. Наконец все они собрались вокруг тела Напряженной Руки, который лежал там, где упал, не считая того, что стрела, которая его убила, была вынута из его груди. Он не был скальпирован, его лук и стрелы остались на месте, нож был в ножнах. В землю рядом с ним была воткнута еще одна палочка для ку с клочком медвежьего меха. Хайя!

Снова ужасный враг ушел от них. Но он не забрал лошадь напряженной Руки; должно быть, он прятался где-то неподалеку, рассудили они. Они обыскали одну за другой рощи в этой долине, выше и ниже той, что под скалой, и не нашли даже человеческого следа.

Кай! Вот такую новость принесли нам кайна. Они также сказали, что вдова и дочь Нового Плаща не ошиблись по поводу облика убийцы; по описанию сына Напряженной Руки лицо его действительно выглядело как человеческий череп. Во всех лагерях нашего племени о нем было много разговоров. Многие думали, что этот Черепоголовый, как его прозвали, обладает такой большой силой, что может становиться невидимым; а возможно, что сила его столь велика, что пули и стрелы не могут пронзить его тело.

Лето было уже в разгаре. Новая трава выросла в полный рост; птицы кормили своих птенцов; река разлилась, питаемая водой из тающих в горах ледников. Мы покоились, почему так задерживается огненная лодка. Наш вождь пошел к Большому Ножу, вождю из Много Домов¹, чтобы узнать об этом. Тот уверил его в том, что огненная лодка скоро прибывает. Они договорились, что, если лодка не придет к концу этой луны, им придется пойти на север, чтобы торговать с Красными Куртками на Кривой реке.

Некоторое время наблюдатели сидели на высоких утесах, которые располагались немного ниже нашего лагеря. Однажды вечером они поспешили вниз и сказали, что видели ниже по течению столбы дыма, поднимающиеся над деревьями – несомненно, это был дым из трубы огненной лодки. Хорошая новость разнеслась по Много Домов и по всем нашим лагерям. Большой Нож сообщил всем нашим вождям что, поскольку огненная лодка не может плыть по ночам, она не прибывает раньше следующего утра, и что они должны прийти к нему, чтобы всем вместе ее встретить.

¹ Эндрю Доусон, последний фактор Американской Пушной компании (авт)

Это был счастливый день (2 июля 1860 года), все были очень взволнованы. Солнце проделало совсем небольшой путь в синеве, когда все мы, четыре племени, мужчины, женщины и дети, собрались у Много Домов. Вожди, одетые в свои лучшие военные наряды, следовали за Большим Ножом к берегу реки; в тот день сам вождь был одет в военный костюм белых – синюю одежду с блестящими желтыми пуговицами, и нож, длиной с мою руку, висел у него на боку. Вожди сели на шкуры, которые расстелили для них женщины, за ними уселись их воины, а еще дальше за ними женщины и дети. Воистину, мы были многочисленным народом.

Нам не пришлось долго ждать того, что мы так жаждали увидеть. Из-за излучины реки показалась огненная лодка, выкрашенная в белый цвет, высоко поднимавшаяся над водой, и два столба ее дыма высоко поднимались в синеву неба. Да! – и мы могли слышать ее дыхание – вух! вух! вух! вуух! – пока она двигалась вверх, двигаясь по самой глубокой части русла. И вот хо! Из-за излучины показалась другая огненная лодка! Как же рады мы были, что их стало две! Теперь собравшиеся уже не боялись, что Большой Нож не получит достаточно товаров за свои меха и шкуры.

Подойдя поближе, огненные лодки громко свистнули; за нашей спиной громко ответили пушки Много Домов, и мы закричали. И тогда, наконец, огненные лодки пристали к берегу, и Большой Нож и наши вожди приветствовали людей, которые привели их из далекой страны белых².

Весь тот день и до глубокой ночи белые были заняты, разгружая огненные лодки и перенося товары в Много Домов, поэтому торговля не начиналась, пока на следующее утро огненные лодки не отправились обратно.

Вожди наших племен были, конечно же, первыми, кто смог обменять свои меха и шкуры. Так вышло, что мой отец и мать, и я с ними, смогли отнести свои товары в торговый зал Много Домов еще до заката того дня. У нас было двадцать семь шкур бизоних, все их моя мать прекрасно выделала, шестьдесят шесть бобровых шкур, многих их которых добыл я, тридцать волчьих шкур и шесть росомах. Мой отец был очень щедрым человеком: себе он взял из наших шкур ровно столько, чтобы купить себе капсюльное ружье, порох, пули, капсюли и немного табака, и прямо там он дал мне кремневое ружье, которой купил две зимы назад у торговцев Красных Курток. А потом он сказал, что я и моя мать можем купить на оставшиеся меха все, что хотим из товаров белых.

– Он совсем не думает о себе, а только о тебе и обо мне, – шепнула мне мать, и предусмотрительно купила для него четыре одеяла. На оставшиеся меха мы купили одеяла для себя, красную и синюю материю для женских платьев, капканы, ножи, топор, шила, иголки, два гребня и маленькое зеркало. Нагрузив все это на наших лошадей, которые оставались снаружи, очень довольные своими покупками, мы вернулись в лагерь. Я был более чем рад ружью, которое дал мне отец. Это было хорошее оружие. Это было мое первое ружье. Среди всех наших племен всего несколько юношей моего возраста владели собственными ружьями. Я очень гордился щедростью моего отца. Да, он был настоящим вождем.

Так много людей было в четырех наших племенах, что торговля с Много Домов продолжалась десять дней. За это время вожди собрались на совет и решили, что утсена на оставшуюся часть лета вернуться к горам Медвежьей Лапы, а зимой переберутся к Волчьим горам (Малым Скалистым), и на Большую реку, немного южнее. Кайна пойдут на юг до Лосиной реки; сиксика решили вернуться в северную часть нашей страны, а мы, пикуни, собирались расположиться вдоль Хребта (Скалистых гор), потому что там бобры были более многочисленными, и мех их был темнее и лучше, чем в других частях нашей великой страны. Среди четырех наших племен пикуни были настоящими трапперами, добывавшими бобров; другие тор-

² Этими пароходами были «Чиппева» и «Ки Уэст»; первыми пароходами, прибывшими в форт Бентон, где заканчивалась навигация по Миссури (авт)

говали в основном выделанными бизонными шкурами, обменивая их на товары белых. Когда кайна узнали, что мы хотим перебраться к Хребту, они предупредили нас о Черепоголовом; сами они пошли на юг к Лосиной реке, больше для того, чтобы избежать ночных нападений, чем из-за того, что бизоны там были многочисленными. Они настаивали на том, чтобы мы пошли с ними. На это наши вожди ответили, что это наш долг – стоять и охотиться у Хребта, чтобы не дать племенам с западной стороны приходить и убивать бизонов на наших равнинах. Кайна были достаточно многочисленны для того, чтобы не дать Воронам проникнуть в южную часть нашей страны; утсена на востоке следили за Головорезаими и Разделенными Волосами (ассинибойнами и сиу). На севере сиксика следили за тем, чтобы сайю (кри) не вылезали из своих болот. так мы должны были охранять свою страну и свои бесчисленные стада бизонов от многочисленных врагов.

Мы, пикуни, первыми ушли от Много Домов. Первую ночь после ухода мы провели на Молочной реке; вторую – на Коленях³, а на следующие день добрались до Медвежьей реки (Мариас). Поставили вигвамы в большой долине под самой Скалой Солнца⁴.

В этом священном месте мы с должными церемониями построили большую хижину, которую моя мать и еще две женщины обещали Солнцу⁵.

Десять ночей мы оставались там, а потом, дважды поставив лагерь, прибыли к нижней части нижнего из озер реки Двух Священных Хижин, и там оставались некоторое время – женщины рубили нужные им вигвамные шесты, запасали и сушили ягоды на зиму, а мужчины охотились на большеголовых (толсторогов) и других травоядных – ведь кожа толсторогов была такой мягкой и тонкой, что лучше всего подходила для мужских рубах и леггинсов и женских платьев.

Поскольку сейчас дули только легкие летние ветра, лагерь наш расположился прямо в долине, ограниченной берегом озера (Нижнего озера Двух Талисманов в национальном парке Глейсир), и рекой, вытекающей из него. Тем вечером, перед самым закатом, я вышел на берег озера с далеко видящим инструментом моего отца (подзорной трубой) и, посмотрев него, увидел стадо большеголовых на горе Под Быком – эта гора спускалась к южному берегу озера. Я решил на рассвете отправиться туда, но никому не сказал о том, что я обнаружил животных; я рано лег на свою лежанку и уснул.

Крики мужчин, вопли женщин и детей разбудили нас. Обнаженные, в одних лишь набедренных повязках, мы с отцом схватили ружья. выбежали из вигвама и побежали к толпе, собравшейся там, где круг нашего лагеря граничил с рекой. Там, в середине ее, лежал Маленькая Сова, убитый ударом в грудь, и стоявшие вокруг люди рассматривали палочку для ку, воткнутую рядом с его телом, на конце которой был привязан клочок медвежьего меха.

– Черепоголовый! Враг кайна! Теперь он напал на нас; он убийца! – говорили все. Я заметил, что в вигваме убитого еще горел костер, как и во многих других; ночь была еще не поздняя.

К нам прибежал наш главный вождь, Большое Озеро, и спросил, что случилось. Все заговорили хором, отвечая ему.

– Замолчите, все вы! – крикнул он.

Потом он спросил молодую вдову Маленькой Совы, которая плакала, стоя на коленях у тела своего любимого. В перерывах между сотрясавшими ее рыданиями она смогла сказать, что ее мужчина сказал ей, что выйдет ненадолго перед тем, как лечь спать. Она не слышала

³ Два маленьких холма между реками Тетон и Мариас, примерно в сорока пяти милях западнее форта Бентон (авт)

⁴ Долина Священной Скалы, как называли ее первые мехотогровцы – это долина на северном берегу реки; ту, что находится выше нее, сейчас пересекает Большая Северная железная дорога. Из-за того, что грунт под ней слабый, скала постепенно сползает вниз, отчего племена черноногих считают ее священной, скалой Солнца. Когда пишущий это впервые увидел ее в 1878 году, там было множество приношение в виде колец, бусин, стрел и одежды, которые лежали на ней и вокруг нее. (авт)

⁵ Детали этой церемонии подробно описаны в книге «Женщина Солнца» (авт)

ни звука; она долго ждала, потом крикнула ему, чтобы он возвращался; выйдя наружу, чтобы найти его, она обнаружила его тело, освещенное Ночным Светилом, прямо перед вигвамом.

Тогда Большой Озеро сказал:

– Вокруг нас лес, и бесполезно искать ночью искать Черепоголового. Вы, воины общества Всех Друзей, охраняйте лагерь до наступления нового дня. Потом мы постараемся отплатить убийце за все, что он сделал.

Глава

II

Черепоголовый считает еще один ку

Немногие из нас, кто не был маленьким ребенком, спали оставшуюся часть той ночи. Во всех вигвамах горели костры, и мужчины говорили о бесшумном, сильном, невидимом враге и оплакивали кончину молодого, недавно женившегося, отважного и благородного Маленькой Совы.

Наши быстрые охотничьи лошади были, как обычно, на закате привязаны рядом с вигвамами. Убийца не взял ни одной из них. Настало утро, и мы направились к нашим табунам, который паслись на равнине; ни одна из этих лошадей не пропала. Так мы решили, что Черепоголовый был где-то неподалеку, желая совершить еще одно ночное убийство в нашем лагере. Оставаясь на этом месте, было бесполезно пытаться его найти. Горные склоны к западу и югу от нас были покрыты густым лесом; на востоке хребет Большого Глаза частично зарос лесом и представлял множество укрытий для человека. После завтрака, когда плачущие родные укладывали завернутое в шкуры тело Маленькой Совы на росшее неподалеку хлопковое дерево, наши вожди собрались, чтобы обсудить, что дальше делать. Некоторые настаивали на том, чтобы оставаться на месте; лагерь и табуны должны были охранять воины общества Всех Друзей. Другие говорили, что охранять нужно и женщин, которые днем выходят, чтобы срубить новые шесты для вигвамов и набрать ягод; что тогда у мужчин не останется времени, чтобы охотиться, а без мяса мы будем голодать.

Наконец Большое Озеро сказал:

– Вот мы, мы пикуни, самое большое и сильное племя нашего союза. Вороны, Головорезы, сайю и все другие вражеские племена бегут при нашем приближении; и пока мы находимся здесь, в нашей богатой долине, одинокий враг не дает нам делать дневную работу. Никто не может безопасно охотиться в одиночку, никто не может успешно охотиться, постоянно боясь стрелы невидимого, хорошо укрытого врага, каким показал себя Черепоголовый. Мы не можем ночами охранять наш лагерь и наши табуны, а днем наших женщин, и при этом успешно охотиться. Нет, мы должны покинуть это место с густыми лесами и перебраться на реку Срезанных Берегов, где, если этот Черепоголовый станет нас преследовать, он сможет найти укрытие только в маленьких рощах, которые растут по ее берегам.

Короткая речь вождя сразу была одобрена, и лагерному глашатаю было велено объявить, что мы немедленно уходим. Вигвамы были сложены, привели лошадей, которых быстро оседлали и навьючили, травуа нагрузили, и еще до полудня наш длинный караван вброд пересек вытекавшую из озера реку и перешел хребет Большого Глаза. Наши вожди, которые двигались впереди, еще поговорили немного о Черепоголовом и составили план, в соответствии с которым надеялись его поймать. Они послали лагерного глашатая назад, вдоль линии нашего каравана, велел ему кричать:

– Слушайте, Все Друзья, и Храбрецы, и Ловцы! Когда вы, один за другим, прибудете на южный приток реки Срезанных Берегов, то спешите и, укрывшись в зарослях, будете внимательно следить за нашим врагом, Черепоголовым. Пусть ваши женщины дадут вам вяленое мясо, пемикан, спинной жир и другую еду, чтобы вам хватило ее на две ночи. Да. Там, на развилке, вы будете лежать и ждать нашего врага, две ночи, если понадобится. Молитесь Солнцу, и все мы тоже будем молиться, чтобы вы смогли довести это до конца.

В соответствии с этим приказом вдоль линии каравана произошло много остановок, во время которых женщины открывали грузы на лошадях и травуа, чтобы дать своим мужчинам пищу, которая была им нужна. Мы спускались по широкой, поросшей кустами долине южного притока. По пути там были рощи молодых хлопковых деревьев с густым подлеском из ив, и по мере их прохождения члены общества Всех Друзей один за другим соскальзывали с лошадей

и прятались там; там они стояли, с улыбкой слушая наши молитвы, наши мольбы, пока мы двигались по глубоко протоптанной тропе.

Подобно большой змее, наш длинный караван поднялся на склон следующего хребта, чтобы дальше спуститься в более узкую долину реки Срезанных Берегов, там, где сейчас пересекает ее проложенная белыми дорогами. В то время там не было подходящего для нас места для лагеря – слишком густой лес, слишком много кустов, решили наши вожди, и повели нас дальше, пока мы не миновали поросший соснами хребет Срезанных Берегов. Там река протекала через узкую щель на широкой ровной долине. Мы поставили лагерь на краю этой северо-западной равнины. Несколько бизоньих стад и многочисленные группы антилоп были видны повсюду. Незадолго до заката наш лагерный глашатай объявил, что утром будет охота на большое бизонье стадо, которое сейчас пасется у хребта Маленькой Реки, к северу от нас. Кроме того, наши вожди приказали, чтобы отряды Бешеных Псов и Несущих Ворона из общества Всех Друзей ночью охраняли наш лагерь.

Ночь прошла спокойно. Все мы поднялись очень рано, надеясь вскоре увидеть наших людей с Южного притока, которые несут скальп Черепоголового. Солнце поднималось все выше и выше, а они все не появлялись; становилось ясно, что они не видели нашего одинокого врага. Оставив стариков охранять лагерь, мы отправились на охоту – множество из нас были на самых быстрых охотничьих лошадях, и за нами шли женщины, которые вели лошадей, выючных и тащивших траву. Мы обнаружили большое стадо в том месте, где нам было удобно к нему приблизиться, и оттуда набросились на них. Это была моя первая охота на бизоньих с ружьем, тем самым, что дал мне отец. Я застрелил жирную корову, после чего обнаружил, что зарядить ружье на скаку – задача нелегкая. Я дважды просыпал порох, которых сыпал себе на ладонь. Тогда я сунул ружье под ремень, взял лук со стрелами и смог убить еще двух коров, прежде чем лошадь моя запыхалась и прекратила погоню. Я посмотрел назад; все разговаривали, пели, смеялись, охотники и женщины уже начали разделять свою богатую добычу. Я поторопился к своей; моя мать пришла мне помочь, назвав меня хорошим добытчиком. Я был очень рад.

День уже заканчивался, когда мы вернулись в лагерь, тяжело нагруженные мясом и шкурами. Ночь прошла тихо. Утром появились наши часовые с Южного притока и сообщили, что Черепоголовый не появлялся по дороге с озера Двух Священных Хижин. Это была плохая новость. Ночную охрану нашего лагеря должны были нести члены наших воинских обществ; наши женщины без охраны не могли рубить шести для вигвамов или собирать ягоды. Мы думали, когда же Черепоголовый вновь появится среди нас. И кто станет его жертвой? Км он мог быть? Из какого племени? Мы и помыслить не могли о том, что скоро на все эти вопросы будет получен ответ.

На следующий день к нам прибыл, со своими женщинами и детьми, Сахта⁶ (Человек С Другой Стороны), наполовину пикуни, наполовину Плоскоголовый (калеспелс), и был двоюродным братом моей матери. Мы были очень рады его приходу, потому что в последний раз видели его несколько зим назад, когда он, покинув нас, вернулся к народу своей матери, с которым мы в то время были в состоянии войны. Он сказал, что очень устал жить на западной стороне, вдали от страны бизоньих, где так трудно охотиться на лосей и оленей, обитающих в густых лесах, и не хотел возвращаться туда; с того времени он жил с нами, народом его отца. Он пересек Хребет по тропе Бегущего Орла⁷ и нашел наш след на реке Двух Священных Хижин.

⁶ Это был тот самый Сахта, что служил проводником отца де Смета. В своем дневнике этот добрый священник много писал о дружелюбном Сахте. Он думал, что его имя – это искаженное слово «Сатана», и заявил, что обнаружил в нем твердую веру в Христа. Пишущий эти строки хорошо знал Сахту лично. Он глубоко придерживался также веры своих отцов, веры в Солнце, и к моменту своей смерти сам был жрецом Солнца, или так называемым шаманом. В старости часть времени он проводил в резервации черноногих, в Монтане, а часть в резервации Плоскоголовых (авт)

⁷ Перевал Мариас, там проходит через Скалистые горы линия Большой Северной железной дороги (авт)

Немедленно после прибытия Сатхи, пока его женщины ставили его вигвам, мой отец устроил пир в нашем вигваме, куда приглашен был Большое Озеро и другие вожди. Когда Сатха рассказал новости о Плоскоголовых и их стране, отец начал рассказывать ему о нашем ужасном враге Черепоголовом, и, едва он описал его внешность, как описывали его кайна, как Сахта воскликнул:

– Да я ведь знаю этого человека. Он кутенаи. Его соплеменники называют его Отрезанный Нос. Несколько зим назад он ранил очень большого настоящего медведя, и зверь напал на него и едва не убил; он так его ободрал, что голова его стала выглядеть, как череп. Это человек очень сильный, ужасно злобный, быстро впадает в гнев. Его собственный народ боится его. Лицо его так ужасно. Что ни одна женщина не станет его женой. У него нет своего вигвама, он живет у своих родных, и, хотя им это вовсе не нравится, они боятся выставить его. Как поступил он здесь, убивая сперва кайна. А потом и вас, пикуни, так делал он давно в лагерях Ворон и южных Больших Животов (арапахо), и других племен на бизоньих равнинах. Он не всегда в одиночку совершает эти ночные убийства; поскольку он делает это так успешно, многие из его племени хотят пойти с ним, и иногда он им это позволяет. Эти палочки для ку, которые он оставляет, и этот мех, который он к ним привязывает – это мех того самого медведя, который напал на его и потом умер от ран. Во время долгой болезни после этой схватки Обрезанный Нос имел видение, в котором ему явилось некое древнее животное, и сказало ему использовать этот мех, и тогда ему всегда будет сопутствовать успех при набегах на вражеские племена.

– Ха! так он кутенаи, этот крадущийся ночной убийца! Друзья, мы должны с ним покончить, даже если ради этого придется уничтожить все племя кутенаи! – объявил Большое Озеро.

– Да. Вместо того, чтобы совершать набеги то на одно, то на другое племя наших врагов, мы должны начать войну с одними кутенаи! – крикнул Маленький Пес, наш военный вождь, и с этим все присутствующие сразу согласились.

Моя мать было священной женщиной, строившей хижину солнца, и это дало ей привилегию принять участие в совете вождей, и она сказала:

– Вспомните сейчас, все вы, сколько зим и лет мы были в мире с племенами, живущими на запад от Хребта; как прекрасно было, когда, перейдя Хребет, они приносили нам свои подарки – сушеный камас, другие корни, плетеные из травы корзины и сумки, мягкие олени шкуры, как они стояли рядом с нами и вместе с нами охотились на наших равнинах. Между нами и ними была тесная дружба, более чем дружба; некоторые из наших молодых воинов брали в жены их девушек, а их воины брали в жены наших девушек. Все надеялись – по крайней мере мы, женщины, молились об этом – что мирный договор, который вы, вожди, заключили с этими племенами – кутенаи, Плоскоголовыми, Речными Людьми, Народом Синей Краски, никогда не будет нарушен. Но он нарушен! И кем? Некоторыми нашими воинами, которые, недовольные набегами на наших врагов на равнинах, хотят пересечь Хребет и напасть на наших друзей, которые собирали и заготавливали корни, чтобы отнести их нам. И каков результат? С того самого лета продолжается война, и в наших лагерях не смолкает плач вдов и сирот. А теперь вы хотите начать еще большую войну – войну с кутенаи, со всеми племенами Запада, которые были нашими самыми близкими друзьями. Нет! Я говорю, НЕТ! Вместо этого пошлите им то, что сбережет жизни тех, кого вы любите, и кто иначе должен умереть; пошлите им трубку мира. Я знаю, что они обязательно примут ее. Позвольте мне отнести ее. У меня нет страха...

– Женщина! Стройная Женщина! Замолчи! – перебил ее отец.

Снаружи были слышны печальные причитания; это был голос, охрипший от долгого плача по мертвому:

– Хайя! О вожди! Храбрые вожди! Благородные вожди! Пожалейте меня! Отомстите за смерть моего доброго мужчины!

Это была молодая вдова Маленькой Совы.

– Мы слышим тебя; то, о чем ты просишь, будет сделано – крикнул в ответ Большое Озеро.

– Я сам поведу против них военный отряд, – сказал Маленький Пес.

– Друзья мои, послушайте меня, – сказа Сахта. – Я советую вам то же, что и моя двоюродная сестра, Стройная Женщина: вместо того, чтобы начинать войну с кутенаи, пошлите им трубку мира.

– Ты говоришь так, потому что ты сам в дружбе с ними, – сказал мой отец.

– Посмотри только, какие ужасные несчастья они принесли кайна и нам, и сделал это этот самый Черепоголовый! – крикнул Железное Ожерелье.

– Смерть Черепоголового доставит мне не меньше радости, чем несчастной вдове, которая находится снаружи, – сказал Сатха. – Вы не должны знать покоя, пока не покончите с этим ужасным человеком. Но воевать с кутенаи до тех пор, пока они не буду полностью уничтожены – это невозможно. Почему? Потому что у них есть союзники – Плоскоголовые, Речные Люди, Народ Синей Краски, и все они сильно настроены против вас и ваших сородичей на этих равнинах, где вы не даете им появляться, чтобы добывать мясо и шкуры бизонов, и то же делают ваши военные отряды, лето за летом нападающие на их охотничьи лагеря и угоняя их табуны. Прямо сейчас больше ста вигвамов Плоскоголовых стоят вместе с южными кутенаи на озере Священного Танца (озеро МакДональд), и на озере Большого Мешка (озеро Кинта) стоит много вигвамов Речных Людей вместе с северными кутенаи.

Теперь совету было над чем подумать. Наконец Большое Озеро произнес:

– Сахта прав. Мы не в силах уничтожить все племена на западе, которые обитают в своей стране густых лесов и высоких скал. Если бы мы только могли выманить их на открытое место...

– Сахта, в каком из лагерей кутенаи обитают родственники Черепоголового? – спросил мой отец.

– У северных кутенаи.

– А где находится озеро, о котором ты сказал, озеро Большого Мешка? Как туда пройти?

– По тропе от озера Священного Танца, вверх по реке Лжеца (река Плоскоголовых), это два дня пути верхом. Другой, лучший путь с равнин – по тропе от Маленького Внутреннего озера (озеро Уотертон в провинции Аьберта, через Хребет, это немного больше дневного пути. Длинное узкое озеро – это озеро Западной Стороны, тропа проходит по его северному берегу; в его нижней части есть хорошее место для лагеря.

– Ха! Я знаю это озеро; водил туда военный отряд четыре лета назад. В его нижней части было двадцать вигвамов кутенаи. Мы убили четверых из них и забрали большой табун их лошадей, – сказал Хвост Красной Птицы.

– Да. Я слышал об этом. Позднее еще двое умерли от ран, которые вы им нанесли, – сказал Сахта.

– Хайя! Хорошо! Хорошо! – воскликнул Хвост Красной Птицы и затянул песню победы.

– Сахта, между своими набегами на наши равнины может ли этот Черепоголовый всегда жить со своими родственниками из северных кутенаи? – спросил мой отец.

– Всегда он с ними. Он никогда не посещает ни северных кутенаи, ни другие племена на западе, потому что, видишь ли, в его собственном племени есть вдова, которую он хочет сделать своей женщиной. Она всегда отказывалась поставить с ним вигвам, но он надеется, что она все же изменит свое мнение на этот счет.

– Вот! Теперь я вижу, как мы можем покончить с этим Черепоголовым. Все, что нам нужно сделать – это пересечь Хребет, найти лагерь его племени и тщательно за ним наблюдать, пока мы не сможем убить его, когда он будет входить или выходить из него. Это может потребовать много времени, но в конце концов мы с ним покончим, – сказал Маленький Пес.

– Это может оказаться очень трудным делом – следить за лагерем кутенаи, как ты это предлагаешь, – ответил Сахта. – Мужчины ежедневно выходят на охоту, и рано или поздно они вас обнаружат.

– Для этой цели не нужен большой отряд; достаточно будет нескольких человек, – сказал Большое Озеро.

– Да. Не больше четверых – священное число. Ну, так кто будут те трое, кто пойдет со мной? – спросил Маленький Пес.

– Нет! Не ты, наш военный вождь. Ты нужен нам здесь и сейчас, когда большие вражеские военные отряды собираются совершить на нас набег, – сказал Большое Озеро, и с этим все согласились.

– Я сам возглавлю этот отряд, – объявил мой отец. При этом моя мать вскрикнула, как от боли, и склонилась на своем сиденье.

– А я, знающий дорогу к этому озеру Большого Мешка, буду вашим проводником, – сказал ему Хвост Красной Птицы.

Остальные, кто был в вигваме, и собравшиеся снаружи стали кричать, что хотят присоединиться к отряду. Большое Озеро заставил их замолчать.

Мой отец сказал:

– Еще двумя в моем отряде я просил бы стать Не Бегуна и Сердитого Бизона.

– Ай! Я охотно пойду с тобой! Этот Черепоголовый не переживет нашего похода по его голову! – крикнул Не Бегун, который был в толпе снаружи и теперь вошел, сопровождаемый Сердитым Бизоном, которому тоже понравилось, что его выбрали в эту четверку. Оба они были сильными воинами, но, возможно, не столь опытными, как Хвост Красной Птицы.

Начался долгий разговор относительно похода против Черепоголового. Сахта давал им советы, подробно описывая расположение лагеря северных кутенаи, советуя, как к нему приблизиться, и как потом наблюдать. Он считал, что Черепоголовый, на некоторое время удовлетворившись после убийства Маленькой Совы, должен отправиться в свой лагерь по тропе Бегущего Орла, по которой и сам он только что пришел. Кроме того, он посоветовал отцу двигаться от Маленького Внутреннего озера через Хребет к озеру Большого Мешка только по ночам. Итак, было решено, что лагерь будет перенесен к Внутренним озерам, и что ой отец и трое его людей там уйдут от нас, направившись к Маленькому Внутреннему озеру и оттуда за Хребет..

Едва ушли наши гости, мать печально сказала отцу:

– Ты знаешь, как велико мое желание мира между нами и другими племенами. Как мог ты сам так быстро крикнуть, что готов повести свой отряд против кутенаи?

На это отец спокойно ответил:

– Стройная Женщина, подумай немного. Разве ты не видишь, что, пока жив этот Черепоголовый, не может быть мира между нами и племенами с той стороны?

И тут, совсем рядом со входом, снова послышался тот же охрипший голос, который теперь зывал:

– Одинокий Человек! Одинокий Человек! Великий вождь! Отважный вождь! Тень Маленькой Совы зывает к тебе! Отомсти за его смерть, о могучий воин! Принеси мне, несчастной вдове, скальп этого Черепоголового, чтобы я могла выкрасить лицо в черный цвет и танцевать с ним!

– Послушай это! – сказал отец матери. И потом крикнул, чтобы его услышали снаружи: – Мы сделаем для тебя все, что сможем, бедняжка. Моли Солнце о нашем успехе.

– Ай! Я буду молиться, не прекращая, – ответила вдова и медленно пошла прочь, снова и снова произнося имя своего любимого.

Немного погодя моя мать сказала:

– Обещай мне все же, что после того, как убьешь этого Черепоголового, пойдешь вместе со мной к кутенаи, чтобы предложить им трубку мира.

– Да. Я обязательно это сделаю, – быстро ответил отец.

Из-за того, что у нас было много мяса, которое нужно было высушить, мы смогли снять лагерь только два утра спустя. Потом, снова пройдя по горной тропе, мы пересекли Настоящий Хребет⁸ и, спустившись по частично поросшему лесом западному склону, поставили лагерь прямо у нижней части верхнего из Внутренних Озер, на большой безлесной равнине, простиравшейся от его песчаных берегов до ручья Настоящего Хребта. Все ночи, пока мы оставались на реке Срезанных Берегов, ночная охрана продолжалась, и сейчас тоже выставлялась на закате, потому что считалось, что Черепоголовый находится недалеко, что он не ушел за горы.

Ночь снова прошла спокойно, и утром отец и трое, что шли с ним, начали готовиться к тому, чтобы покинуть нас. Моя мать сделала для них хижину для потения, и Сахта, который сам был жрецом Солнца, тоже вошел в нее и молился вместе с ними об успехе их предприятия. Я стоял рядом вместе с матерью, слушая их все, эти сильные молитвы, эти песни, обращенные к богам неба, и к живущим в воде, самым сильным из которых было некое древнее животное, которое было нашим помощником. И, пока я их слушал, о, как же хотел я быть с ними вместе, и сопровождать этих четверых в походе на нашего Черепоголового врага!

Когда церемония потения завершилась, мы с отцом направились к реке, где он искупался, как было положено, и оставшуюся часть дня оставался рядом с ним; я очень за него волновался. Так же вела себя моя мать. Да, мы не могли показывать свой страх о том, что те, кто должны уйти, более не вернуться. Моя мать дала ему пояс, красиво расшитый перьями разных цветов, в качестве приношения Солнцу, и мы с ним пошли в рощу у реки, где привязали его к дереву, и молили Солнце послать ему успех в походе против врага и благополучного возвращения к нам. Для меня и моей матери ночь пришла слишком быстро, и с тяжелыми сердцами мы смотрели на то, как он и трое его последователей покидают наш вигвам и уходят в ночную темноту.

Ночь прошла без происшествий, и все мы решили, что Черепоголовый действительно ушел от нас за горы, к своему народу. Все же мы решили не рисковать. Наши женщины выходили, чтобы рубить шесты для вигвамов или собирать ягоды, но всегда под сильной охраной, а по ночам члены общества Всех Друзей охраняли наш лагерь. Животные, на которых можно было охотиться, были многочисленны, и мне не составляло труда обеспечивать мясом наш вигвам. Так шли дни. Каждую ночь мы с матерью молились о моем отце; каждое утро она добавляла зарубку на маленькой палочке, отсчитывая ночи, когда его не было с нами.

Однажды утром, сделав очередную зарубку, мать сказала:

– Уже пятнадцать ночей прошло с тех пор, как ушел твой отец.

– Да. Он не очень далеко, это лагерь кутенаи; возможно, скоро он будет с нами.

Едва я это произнес, как мы услышали какой-то шум на восточном краю лагеря; голоса становились все громче, потом начался женский плач. Мы вышли наружу; со всех сторон бежали люди, и мы тоже побежали туда. Когда мы присоединились к толпе, нам позволили пройти к ее центру, глядя на нас печальными, полными жалости глазами, и моя мать спросила:

– Что все это значит? Что случилось?

Ответ был:

– Хайя! Что-то очень плохое; твой мужчина мертв!

– О, нет! Нет! – воскликнула моя мать и рванулась вперед, пока, в середине толпы, мы не увидели Не Бегуна, похудевшего, с большими глазами и растрепанными волосами, который разговаривал с Большим Озером и другими вождями. Моя мать, подбежав к нему, схватила его руку, крича:

– Мой мужчина! Мой мужчина! Где он?

Печально, очень печально, Не Бегун посмотрел на нее и, опустив голову, просто показал знаком: «Мертв!»

⁸ Водораздел Гудзонова Залива

При этих словах она упала у его ног и лежала так, словно она тоже умерла. Добрые женщины вернули ее к жизни и унесли, знаком дав мне понять, чтобы я за ними не шел. Я стоял и слушал Не Бегуна, который повторял свой рассказ: между вершиной Хребта и озером Большого Мешка отряд моего отца, в котором было всего четыре человека, был неожиданно атакован большим отрядом кутенаи, которым руководил сам Черепоголовый, и из четырех только сам Не Бегун смог уцелеть после этого нападения, только лишь потому, что спрыгнул с утеса на верхушку дерева и потом спустился по нему. Он потерял ружье и вынужден был скрываться от врагов в густом лесу, покрывавшем горные склоны. Он сказал больше: о том, как храбро вели себя мой отец, Хвост Красной Птицы и Сердитый Бизон при внезапном нападении, и были убиты, не успев разрядить свои ружья; сам он в это время был сзади них на тропе, иначе и ему пришлось бы разделить их судьбу. Сам он, перед тем как спрыгнуть с утеса, смог выстрелить в Черепоголового, успев хорошо прицелиться, и явно не промахнулся. Неужели магия Черепоголового настолько сильна, что пули не могут пронзить его тело?

Все это я слушал вполуха. Мой отец мертв! О, какое горе! Никогда, никогда больше я его не увижу! Я горел от гнева на этого Черепоголового. Теперь говорил Маленький Пес, он сказал, что теперь сам поведет военный отряд на Черепоголового и его племя. Я сказал себе:

– Как бы сильно не возражала моя мать, я стану членом этого отряда!

Я нашел мать одну в нашем вигваме, охваченную горем; она вновь и вновь оплакивала моего отца, повторяя его имя. Я сказал ей, что собирается военный отряд, и что я присоединюсь к нему. Она не ответила, продолжая рыдать.

Я вышел, чтобы больше узнать об отряде – когда он выходит, будут ли воины пешими или верхом. Тут в восточной части лагеря снова поднялся шум, и я побежал туда, чтобы узнать, в чем дело. В центре толпы было семеро молодых всадников, которые несколько дней назад уехали от нас, собираясь навестить утсена, находившихся где-то в горах Медвежьей Лапы. И вот те на! У их восточного подножия, у холмов Сладкой Травы, они обнаружили большой лагерь Лжецов (кри), там было около сотни вигвамов, и они убивали наших бизонов, из наших бесчисленных стад.

Большой Озеро немедленно собрал совет, и я присоединился к толпе, собравшейся вокруг вигвама, чтобы слушать, что там происходит. Вожди быстро собрались, чтобы решить этот вопрос. Вторжение в наши земли, охота на наших бизонов – такого Лжецам не дозволялось. Мечь Черепоголовому и его племени откладывалась. Лагерный глашатай разнес весть о том, что все, кроме четырех отрядов общества Всех Друзей должны быть готовыми утром выступить в поход против Лжецов под предводительством самого Маленького Пса.

Я вернулся домой и задумался на этой новой проблемой. Я принадлежал к группе Синопакс (Маленьких Лис), из общества Всех Друзей, куда входили молодые воины общества. Получалось, что я не должен идти сейчас в поход на Лжецов; тень моего отца взывала о мести. Я мог прямо сейчас отправиться в поход на Черепоголового, даже если бы мне пришлось в одиночку выйти против этого ужасного врага. Но должен ли я быть один? У меня был близкий друг, Амунис⁹. Да, Амунис охотно пошел бы со мной. Я поторопился к его вигваму, позвал его и прошептал:

– Я иду за Хребет, чтобы попытаться найти и убить этого Черепоголового. Я пойду один, если ты не пойдешь со мной!

– Пойти с тобой? Конечно, пойду. И не нужно говорить шепотом. Никто не помешает мне сделать то, что я хочу, – ответил он.

⁹ Выдра. На самом деле это слово означает «развевающиеся волосы». Полоски меха выдры привязывались к концам длинных прядей волос воинов; считалось, что они приносят удачу, поскольку выдра была одним из священных животных магии воды. (авт)

Это была правда; он был сиротой, его домом был вигвам его дяди. Мы вошли в него, и Амунис сразу сказал этому угрюмому воину:

– Дядя, Медвежонок и я уходим за Хребет. Мы хотим найти и убить этого Черепоголового и посчитать на нем ку.

Дядя посмотрел на Амуниса, посмотрел на меня; его губы дрогнули. Потом он сказал:

– Даже самые прославленные воины никогда не считали большего ку. Идите, юноши, идите, и пусть Солнце защитит вас.

Я вернулся к матери и сказал ей о своем решении; но она была в таком состоянии после своей потери, что, казалось, не слышала меня; она сидела на своей лежанке, плакала и повторяла имя моего отца. Моя бабушка – мать матери – и несколько теток были с ней. Одна из теток крикнула, что я слишком молод и слишком неопытен для такого предприятия. Бабушка с яростным видом повернулась к ней и велела ей закрыть рот. Она сказала, что, пусть я и молод, но правильно делаю, что хочу отомстить за смерть своего отца, и что она сама приготовит мне все, что понадобится в этом долгом походе по горам. Она порылась в наших вещах, нашла для меня подходящую сумку и положила в нее три пары мокасин, шило и нитки из жил, красную краску, мой гребень и маленькое зеркальце, и ломоть пемикана. Я взял запасные кремни для ружья, огниво, отцовскую подзорную трубу и был готов идти.

Тем временем в лагере царила большая суета – отряды общества Всех Друзей готовились к походу на Лжецов. Амунис присоединился ко мне, и мы вместе смотрели, как они садятся на своих прекрасных лошадей и выходят, руководимые Маленьким Псом, отряд за отрядом, одетые в великолепные военные наряды, и каждый отряд в свою очередь пел свою военную песню в сопровождении барабанов.

Наконец настала ночь. Я попытался успокоить свою мать, но она, казалось, была не в состоянии понять, что я ухожу, чтобы разделаться с Черепоголовым. Все, что она могла сделать – это крепко меня обнять, продолжая произносить сквозь рыдания имя моего отца. Амунис ждал меня. Я вышел, мы сели на лошадей, на которых рассчитывали проделать первую часть своего пути, покинули лагерь и отправились вниз по долине.

Глава

III

В пути

От самого нашего лагеря и до нижней части Верхнего Внутреннего Озера мы с Амунисом шли по глубокому следу, оставленному травуа, когда наши люди шли на север вдоль восточного берега нижнего Внутреннего озера. Дул легкий ветер, и мы могли видеть отблески волн в свете Ночного Светила. Когда мы миновали небольшой, поросший соснами остров недалеко от берега, то увидели, что к нему плывет большое животное – мы решили, что это большой бизон. Плывающий спугнул двух ныряющих птиц (гагар), и те издали громкий крик, эхом от склонов горы, возвышавшихся на нашем пути – горы Вершина Плоская. Они очень священные, очень сильные, эти птицы. Я помолился им, прося о помощи на нашем опасном пути.

Немного ниже озера мы пересекли вытекавшую из него реку, которая называлась Много Вождей Собрались (река святой Марии), и, продолжая двигаться по той же тропе, спустились в долину; пересекли Быстро Текущий ручей, потом Маленький Быстро Текущий Ручей (ручей Кеннеди), и, оставив тропу, свернули на запад. Когда рассвет был близок, мы нашли укрытие в сосновой роще выше на южном склоне горы Вождя, и сразу легли и уснули.

Хотя я очень устал, толком отдохнуть мне так и не удалось. Мне приснился мой отец и время, когда мы с ним были вместе. Я проснулся, очень опечаленный. Мне вспомнилось, что на вершине этой горы Вождь, самой священной из всех наших гор, мой отец, когда был юношей, получил своего священного помощника. Как часто он рассказывал об этом! Он принес бизоний череп на вершину этой горы и, используя его вместо подушки, пролежал так пять дней и ночей, постясь и молясь, пока, на пятую ночь, он не получил того, чего хотел – маленькое водное животное, норка, явилось ему и обещало помогать во всех его предприятиях. Кроме того, это древнее животное предупредило его, что, чтобы быть успешным и дожить до преклонных лет, он не должен делать некоторых вещей. Что это за вещи, отец никогда не говорил. Я думаю, что он, скорее всего, пренебрег предупреждением своего помощника, что и привело его к печальному концу.

Думая об этом. Я внезапно почувствовал желание подняться на вершину, туда, где постился ой отец, и Амунис сказал, что в любом случае мы должны туда подняться, чтобы осмотреть окрестности и добыть какого-нибудь мяса. Так что, напоив лошадей в роднике и привязав их там, где росла хорошая трава, мы начали восхождение на вершину горы. Как вы знаете, восточный склон горы Вождь – это гладкий утес, подняться на нее можно только с западной стороны, по длинному хребту, подходящему к ее вершине. Путь этот был легким, пока мы не миновали линию леса, но оттуда подъем стал очень крутым и местами опасным. Когда мы уже выходили из леса, то заметили маленькую группу толсторогов, и, подобравшись к ним поближе, я подстрелил одного из них, двухлетку, довольно жирного. Мы освежали его и оставили тушу, чтобы забрать нужные части на обратном пути, и двинулись дальше. Солнце проделало уже больше половины пути, когда мы, наконец, добрались до вершины – это было ровное место, размером не больше, чем внутренность вигвама, и там лежал, с тех пор как мой отец оставил его во времена своей юности, череп бизона. Зимние снега и летние дожди не смыли с него окончательно полосы и точки священной красной краски, которые он нанес на него. Более чем прежде горечь от потери моего отца овладела мною. Я растянулся на твердой каменной вершине, положил голову на череп и заплакал. А потом я поклялся древнему животному, что вернусь на это место, чтобы поститься, и попросил у него помощи на своем жизненном пути. Сейчас я просил его помощи против врага, кутенаи, убийце моих соплеменников. Потом я поднялся и присоединился к Амунису, который сидел на краю огромного утеса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.